

Эдуард Косарев

Апология кризиса

Эдуард Косарев

АПОЛОГИЯ КРИЗИСА

Ярославль
2024

Косарев Э. Ю

Апология кризиса. / Э. Ю. Косарев; — Ярославль: 2024,— 46 с.:
ил.

ISBN 978-5-6053040-0-5

В этой работе, написанной в сжатой тезисной форме, автор рассматривает типовую структуру иерархических систем, характерных для нашего времени. Исследуются природа и происхождение бюрократии, коррупции, их взаимосвязь и влияние на возникновение общественных кризисов. Дается оценка роли идеологии в жизни современного общества.

Данная электронная книга распространяется бесплатно. Разрешается полное или частичное копирование текста, цитирование, распечатка и распространение, за исключением тех случаев, когда вышеупомянутые действия осуществляются с целью получения какой бы то ни было прибыли. При использовании текста указание авторства обязательно.

ISBN 978-5-6053040-0-5

© Косарев Эдуард Юрьевич, 2024

© Оформление и иллюстрации.

Косарев Эдуард Юрьевич, 2024

*Страна при расцвете рождает певцов и героев,
а при упадке — пыль и много начальства*.
(Восточная мудрость)*

ИЕРАРХИЯ

Индивидуальность, данная человеку от природы, лежит в основе общественного неравенства. Врождённое физическое и умственное превосходство одних людей над другими неизбежно влечёт за собой возникновение социальной иерархии. Тому же способствуют и все приобретённые особенности нравов и характеров, сформировавшиеся в результате уникального жизненного опыта, присущего каждой отдельно взятой личности. Разница в воспитании, образовании, социальном окружении и просто в везении, обусловленном чисто случайным стечением тех или иных обстоятельств, создаёт до того многообразный спектр персональных типов и типажей, что общественная стратификация становится в равной степени необходимой и закономерной.

Иерархическое устройство человеческого общества вполне соответствует тому положению вещей, которое мы встречаем повсюду в живой природе. Все без исключения формы биологической жизни входят в состав той или иной системы вертикально подчинённых взаимосвязей, чаще — нескольких систем, так что один и тот же организм может выступать одновременно как звено в пищевой цепочке, как вожак стаи, как родитель или глава гарема, состоящего из самок с детёнышами и т. п. В каждой из этих вертикалей: пищевой, семейной, родовой и прочих, имеются собственные ранги и состояния. За обладание ими ведётся беспрестанная борьба, в которой всегда побеждает сильнейший, то есть тот, кто лучше других приспособлен к текущим условиям жизни. Это единственное правило, определяющее формирование иерархических систем в животном и растительном мире. Благодаря ему естественный отбор действует строго и эффективно.

Когда-то давно, на заре цивилизации, человеческое общество подчинялось тому же закону природы. Однако потом, по мере развития материальной и духовной культуры, ситуация стала осложняться. Право *силы*, имеющее наибольший вес с точки зрения природы, стало входить в противоречие с возникшей в умах людей идеей *справедливости*.

Принцип устройства иерархии при этом остался прежним, но способы её практической реализации начали меняться. Справедливость всё более торжествовала над силой. Постепенно, в ходе общественной эволюции, у нас сложилось представление о том, что источник всех бед человечества необходимо искать в социальном и личном неравенстве. Пройдя в зачаточном виде сквозь Античность и Средневековье, эта мысль по-настоящему расцвела в канун Нового времени. В ней сошлись гуманизм Возрождения, аскетизм Реформации, оптимизм Просвещения. Она породила целый ряд буржуазных революций, выработавших новое,

современное нам представление о демократии. Её отголоски мы слышим во всех политических теориях, возникших на Западе в XIX веке и сохранивших актуальность доныне.

В наши дни этот некогда сугубо европейский вектор политической мысли, направленный в сторону большей эгалитаризации общества, возобладали уже во всемирном масштабе. Всюду уже человек привык рассчитывать на получение в будущем новых социальных и политических прав, истинных и мнимых, мало заботясь том, что за дарованную сверх иллюзию равноправия ему придётся платить высокую цену. Слабое государство не в состоянии гарантировать права человека и гражданина. Поэтому платой за любое декларированное равенство, в отличие от равенства естественного, неизменно является усложнение государственного аппарата и всё большая зависимость граждан от него, всё большее их подчинение и, как следствие, несвобода.

Очевидно, что степень гражданской свободы человека имеет свои границы, свой максимум, за пределами которого её реализация становится невозможной, недопустимой в условиях данного общества с его социальным укладом. Но мы говорим сейчас не о свободе как таковой, а об её распределении между отдельными людьми, то есть о том, что, собственно, и принято называть справедливостью, причём лишь в одном из её специфических аспектов. Мы ведём речь об общественном неравенстве *де-факто*, оставляя пока в стороне те права и привилегии граждан, которые декларируются государством *де-юре*. Наша цель состоит в том, чтобы опровергнуть традиционное представление о наличии прямой причинно-следственной связи между степенью несправедливости в общественном устройстве и социальными потрясениями, ведущими к кризису власти, государственным переворотам, войнам и революциям.

Под влиянием этого в целом ошибочного представления западная цивилизация, движимая чувством самосохранения, многие годы следует курсом исключительно формальной, часто принудительной гомогенизации гражданского общества. Дошло уже до прямого доктринёрства, до нелепостей и лицемерия, до абсурда неразличения рас, национальностей, вероисповеданий и полов. В борьбе за нивелирование всех и всяческих различий нивелируется уже сама человеческая личность, в которой стирается всё индивидуальное, идиосинкратическое. И делается это не грубым путём репрессий или запретов, а тонким, коварным способом коммерческой промоции единообразия в образе жизни и даже в мыслях. Здесь уже налицо попытка не только уравнивать гражданские права, но и сгладить неизгладимые природные различия между людьми, заключающиеся в разнице нравов, характеров, судеб, физических сил, интеллектов. При этом, однако, до сих пор остаётся в силе узаконенное имуще-

ственное неравенство. Его, впрочем, тоже уже пытались упразднить и, надо думать, не в последний раз.

Что же вышло в итоге из всей этой долгой социальной уравниловки? Стал ли наш мир спокойней, счастливее, безопасней, и главное — справедливей в нашем внутреннем видении жизни, в нашем новоевропейском понимании справедливости? Ничуть не бывало! Человечество, волей или неволей следовавшее в кильватере западной цивилизации, пережило за эти годы две чудовищные, невиданные прежде в истории мировые войны, рухнули многовековые империи, возникло глобальное противостояние идей, завершившееся их последовательным отмиранием, установлением идейного вакуума. И в этом вакууме царит какая-то всеобщая напряжённость, межличностная и межгосударственная, требующая выхода и не находящая его.

Никогда ещё прежде в мире не было накоплено таких гигантских арсеналов оружия массового поражения. Растёт и становится более изощрённой преступность. Множится число самоубийств. В западных странах всюду падает рождаемость, а употребление наркотиков становится повседневной нормой для сотен тысяч людей. Как минимум четверть населения планеты страдает сегодня психическими расстройствами, особенно депрессиями, казалось бы, необъяснимыми с учётом того, что с материальной точки зрения уровень жизни людей небывало высок.

Как видно, житейское благополучие граждан и рост формальной справедливости в социальном устройстве государств ещё не являются гарантией стабильности иерархических систем. Исторический опыт XX века наглядно показал, что сколько бы ни предпринималось попыток уравнивать людей в правах, обязанностях, обеспечить имущественное равенство, создать для всех единое мировоззрение и тем искоренить саму возможность возникновения общественных коллизий, все они потерпели неудачу. Войны, революции, государственные перевороты и прочие крупные, часто кровавые катаклизмы продолжаются, и этот неоспоримый факт приводит нас к мысли, что корни внутрисоциального зла нужно искать много глубже, чем принято полагать.

Следует, во-первых, признать раз и навсегда, что неравенство в обществе неизбежно. Формирование иерархии есть биологическая функция и потребность человечества как вида. Сколь бы ни претила эта мысль либерально настроенным мыслителям всех времён, опровергнуть её нельзя ни исторически, прибегая к примерам из прошлого, ни эмпирически, посредством наблюдения за процессами, протекающими в современных нам общественных системах на самых различных уровнях. Констатация природного неравенства людей есть факт, признание которого вовсе не означает скатывания в сторону изрядно скомпрометировавшего себя со-

циал-дарвинизма. Неравенство само по себе ещё не является причиной конфликта. Это нам, собственно, и нужно доказать.

Начнём с того, что жизнь внутри органически обусловленной социальной иерархии не требует от её участников обязательной борьбы за места наверху. Конкуренция носит здесь в основном латентный характер, без прямых столкновений, без открытого насилия. Особенно это заметно в низах, вообще мало склонных к соперничеству между собой и нередко тяготеющих к объединению на почве коллективного противопоставления себя верхам, что выражается или в общей неприязни, или же наоборот — в общем почтении к власти преобладающим. Такая сравнительно мягкая иерархическая конкуренция радикально отличается от той жесточайшей борьбы за существование, которую мы наблюдаем в природе.

Далее следует обязательно подчеркнуть, что признанное место в иерархии делает жизнь человека более упорядоченной, осмысленной и безопасной. Недаром в античные времена остракизм считался суровейшим наказанием, и находились люди, предпочитавшие смерть бессрочному изгнанию.

Вообще иерархию правильнее было бы рассматривать не как арену для конфликтов, а как некий шаблон, в соответствии с которым происходит выстраивание толпы в организованный коллектив, народа — в государство. Не важно, есть ли у этого шаблона формальное основание в виде устава или табели о рангах. Стихийно возникшая иерархия столь же эффективна. Действуя сообща, люди получают огромные преимущества, в том числе и в эволюционном плане. Их личная борьба за существование становится в значительной степени коллективным делом. Многие тяготы индивидуальной жизни перекладываются на плечи общества. Поэтому возникновение иерархии способствует скорее ослаблению внутрисоциальных конфликтов, чем их усилению вследствие внутренней конкуренции.

Второе соображение, на которое также необходимо обратить внимание, состоит в том, что именно неравенство людей, как общественное, так и природное, служит движущей силой исторического процесса. Многообразие человеческих типов создаёт необходимые условия для роста созидательного потенциала общества, расширяет его творческий инструментарий. Привычка бороться с неравенством приводит к тому, что мы обедняем социально-культурный ландшафт иерархии, делаем его скучнее, однообразнее. Движение в нём замедляется из-за искусственных препон, нехватки средств и спада личной творческой инициативы.

Представляется странным, что эта бессильная вялость, эта жалкая и унылая импотенция воспринимается многими как благо. Её то и дело

пытаются выставить в качестве главной гарантии порядка, спокойствия и процветания народа. В этом, конечно, есть своя парадоксальная логика, ибо выходит, что уравнив мы всех поголовно, то и процесс общественного развития сам собой завершится, а вместе с ним завершатся и конфликты. Другими словами, болезнь прекратится, когда пациент умрёт.

Этот прогноз безусловно верен, но что в нём проку? Нужно лечить пациента, пока он жив. Для того, чтоб заняться этим, следует выяснить прежде всего истинную природу недуга. Пока же мы знаем только симптомы, и надо полагать, что несправедливость с неравенством тоже относятся к их числу. Они — не причина болезни, а следствие. К тому же оба понятия субъективны, трудно определимы, их смысл меняется с течением времени. Так можно ли ставить в зависимость от них вполне объективный исторический процесс? Само собой разумеется что они, наряду с другими такими же символическими идеями, играют важную роль в развитии и формировании общественного сознания. Это под их влиянием человечество век за веком прогрессирует в основном от деспотизма к демократии, от благоденствия единиц в сторону всеобщего благоденствия. Но то, что меняет их смысл в каждом новом поколении людей, лежит за пределами умозрительного — в царстве объективной реальности.

Были, и вовсе не так уж давно, времена, когда вопиющее неравенство, деспотизм верхов и полное бесправие низов воспринимались всем обществом как нечто само собой разумеющееся. Главой иерархии выступало тогда Божество, стоящее над миром людей. Его произвол был произволом самой природы, которому немислимо было противостоять, особенно в одиночку. Только объединившись под флагом какого-нибудь монарха можно было надеяться выдержать натиск стихий. Крепкая вертикаль власти служила тогда единственной гарантией стабильности и потому сама нередко обожествлялась. С точки зрения теистического мировоззрения боги, цари, герои, жрецы занимали свои высокие места не вопреки общественным интересам, а во имя них. Идея всеобщего равенства была глубоко чужда религиозному сознанию.

Сегодня любая несправедливость, исходящая сверху, вызывает общественный протест. Но это как правило внутренний протест, переживаемый каждым как личная обида. Воспринимаемый ущерб от неё всегда намного ниже той суммы благ, которые даёт персональное место в общественной иерархии. Современный человек ценит эти блага чрезвычайно высоко и вряд ли согласится променять их на эфемерную правду и столь же бесплотную справедливость без крайней к тому нужды. В этом он мало отличается от человека прошедших эпох.

Пока иерархия функционирует, народные массы избегают выхода на политическую арену. Занятые своими делами, они молчат и бездействи-

ют. Даже устраивая акции протеста, толпы людей, собирающиеся на них, не помышляют обычно о смене режима, а требуют лишь незначительных реформ, в крайнем случае — отставки правительства, после которой тотчас последуют выборы нового, точно такого же органа власти. Для возникновения подлинного кризиса иерархической системы необходимы особые условия. Чтобы добраться до сути большого социального конфликта, развязкой которого служит гражданская война, крах государства и коренная перестройка иерархии, мало иметь представление о том, где и как угнетались права большинства меньшинством, кто из властей воровал, кто брал взятки, кто творил произвол и правил несправедливый суд. Всё это, безусловно, важно, но даже взятое вместе ещё не приводит к бунту, к войне, к революции. Многие народы и государства прошлого и настоящего, жившие прежде и ныне ещё живущие в жутких условиях неравенства, бесправия граждан и повальной нищеты, долгое время благополучно избегают социальных катастроф.

Ошибочно мнение, будто согласие широких слоёв населения мириться с несправедливостью общественного устройства объясняется только насильственным принуждением со стороны властей. Насилие это принято обыкновенно делить на два преобладающих типа: физическое — военное и полицейское, и духовное, осуществляемое при помощи цензуры и пропаганды. С этой весьма ограниченной точки зрения государство, представляющее собой организацию, объединяющую так называемые элиты, противостоит разобщённому населению и держит его в повиновении, не позволяя объединяться для отстаивания собственных интересов. Именно таково наиболее популярное представление о роли и сути государства, сложившееся в умах современных обывателей, мало сведущих в истории и в целом далёких от политики. Следуя этой простой модели, мы неминуемо приходим к мысли, что у власти нет выбора, что она по природе своей просто обязана стремиться к установлению тоталитарных порядков. И это ещё одно расхожее заблуждение, пагубность которого усугубляется тем, что его разделяют по временам также и представители элит.

КОНФОРМИЗМ

Если несправедливость, поддерживаемая силой, не есть источник всех политических катаклизмов, то что же тогда вызывает их к жизни? Что выводит народ из состояния покорности и конформизма, превращая его в бунтующую массу? Когда низы начинают вдруг сознавать, что они не хотят жить по-старому? Надо думать, что именно тогда, когда верхи уже не могут по-старому управлять. Тут-то и возникает та революцион-

ная ситуация, о которой более столетия назад писал величайший теоретик рукотворного кризиса В. И. Ленин.

Никакая революция, в том числе и «оранжевая», хорошо подготовленная и профинансированная врагами государства из-за рубежа, не может иметь успеха в условиях устойчивой, жизнеспособной иерархии, выполняющей все свои общественные функции. Для того, чтобы в наши дни у населения страны возникла насущная потребность в смене режима, режим должен стать недееспособным, разложиться и сгнить изнутри.

Формирование новой иерархии обходится слишком дорого для того, чтобы затевать его из каких бы то ни было соображений, кроме самой крайней, самой настоятельной нужды, связанной с выживанием народа, нации, общества как упорядоченного коллективного образования. Полный распад иерархической системы влечёт за собой катастрофические последствия для абсолютного большинства её членов. Поэтому, когда иерархия рушится, люди готовы идти на жертвы, испытывать всяческие лишения и всё же трудиться днём и ночью для того, чтобы её восстановить. Революция никогда не бывает чьей-то прихотью, она всегда — необходимость, причём необходимость экзистенциальная.

Но почему возникает такая необходимость? Как умирает иерархия, превращаясь в обузу для общества, становясь препятствием на его историческом пути? Этот вопрос — ключевой. В нём-то нам и предстоит как следует разобраться.

Современные формы государственного устройства очень устойчивы к воздействиям извне. То, что могло легко и надолго обрушить порядок в каком-нибудь античном полисе или феодальном королевстве: изменения в климате, эпидемии, нашествия иноземных армий, неурожаи, стихийные бедствия и т. п. — всё это вышло ныне из ряда факторов, угрожающих существованию иерархии. Она уже не рушится внезапно от какого-то внешнего толчка. К медленной атрофии её ведут почти исключительно внутренние процессы, имеющие циклический характер. Проводя аналогию с человеческой жизнью, можно сказать, что иерархии тоже рождаются, взрослеют, стареют и умирают. Одни из них живут долго, другим отмерен сравнительно краткий срок, но социально-исторические процессы, управляющие их развитием, определяются в целом одними и теми же закономерностями.

Рождение, жизнь и смерть иерархии — последовательно сменяющие друг друга звенья в непрерывной цепи эволюции общества. И социальная несправедливость в той или иной мере присуща каждому из этих этапов. Силу её восприятия людьми невозможно спрогнозировать заранее, она выясняется позже путём анализа и сопоставления свершившихся фактов. Никто не может с точностью предсказать, будет ли справедли-

вым общество будущего, но каждый способен дать критическую оценку обществу прошлого и особенно — настоящего. Ощущение несправедливости есть результат субъективно воспринятой проекции социальной действительности на сознание человека. Без состоявшейся реальности, данной эмпирически, оно невозможно.

Однако может ли это чувство, возникшее апостериори, служить мотиватором для будущих социальных и политических реформ? Конечно может, и часто служит. Но по-настоящему кардинальные преобразования общества в абсолютном большинстве случаев начинаются только *после* крушения иерархии. О причинах такой закономерности будет сказано ниже. Пока же остановимся на том, что ощущение несправедливости субъективно и следует за реальным развитием общества. А развитие это всегда далеко не гармонично. Сколько бы мы ни перетасовывали иерархию, она непременно выстроится вертикально. Кто-то от этого выиграет, кто-то проиграет. Абсолютного равенства не будет. Это значит, что не будет и признанной всеми справедливости.

Общественные отношения несправедливы всегда, в то время как кризисы иерархии случаются периодически. Если бы ощущаемое низами неравенство было достаточным поводом для свержения власти, то никакая власть не устояла бы долго. Деспотизм оказался бы совершенно невыносимым, неосуществимым на практике, так же, как и тоталитарное государство, и вообще смены режимов следовали бы друг за другом значительно чаще, чем это происходит в действительности. Способность людей терпеть испытываемое ими чувство несправедливости, глушить его в себе во имя сытости и безопасности, служит главным залогом стабильности общества.

Тем не менее, тезис о том, что социальное неравенство есть причина, а кризис — следствие, возник не случайно. Эта псевдозависимость так видна, она настолько лежит на поверхности, что поверхностному наблюдателю трудно удержаться от поверхностных выводов.

Массовое ощущение гнёта, неправды существующих порядков, действительно имеет тенденцию усиливаться в период, предшествующий кризису правящей вертикали. Но это усиление является не причиной, а следствием старения иерархии. Если бы в обществе ничего не происходило, если бы иерархия оставалась неподвижной и не менялась бы с течением времени, то общая степень несправедливости в обществе всегда сохранялась бы на одном и том же уровне. Но иерархии прогрессируют, как и всё на свете. Они не могут застыть, законсервировавшись в каком-то одном неизменном виде. И мы, разумеется, видим, что кризис их исторически всегда совпадает с состоянием наивысшей общественной несправедливости, в чём бы эта несправедливость ни выражалась.

Дисфункция дряхлеющей иерархии неизбежно влечёт за собой рост материально-экономического, политического и духовного неустройства. Людям становится скучно и неудобно жить. Чувства тревожности, незащищённости, одиночества, недовольство собой, страх перед будущим — всё это сливается у них в единое мощное ощущение несправедливости общественных порядков, мешающих им полноценно реализовывать себя в социальной среде. Особенно трудно, даже мучительно переживают такие времена люди творческого склада характера, представители духовно ориентированной интеллигенции, истинно верующие всех убеждений и конфессий.

Гнетущее бремя когнитивного разлада с действительностью редко отягощает широкие массы людей в период расцвета иерархической системы, однако впоследствии оно усиливается и достигает максимума к моменту её заката. Подчеркнём ещё раз, что речь здесь идёт не о чём-то материальном. Мы говорим об ощущении, часто смутном и неосознанном, переживаемом каждым человеком по-разному. Поэтому несправедливость в данном контексте всецело субъективна и определять её следует как *воспринимаемую*.

Чем хуже функционирует общество, тем шире распространяется в нём массовое ощущение всепроникающего беспорядка. Интенсивность его меняется вслед за изменением функционального статуса иерархии. Значит, силу и распространённость этого ощущения действительно можно рассматривать как некий субъективный индикатор состояния общества на текущем этапе развития, воображаемый прибор, измеряющий уровень социального дисбаланса.

РАСКЛАД СИЛ

Совершенный, полностью оптимальный баланс внутренних сил общества в государстве недостижим. Огромность этой задачи не позволяет решить её даже в пределах самой малонаселённой страны. Силы, о которых идёт речь, представляют собой совокупную энергию народных масс, состоящую из суммы индивидуальных человеческих энергий, направленных на реализацию тех или иных конкретных целей. Частичная унификация разрозненных личных целей, осуществляемая, конечно, по мере возможности, входит в число многочисленных функций государства.

Лишь в момент абсолютного краха и гибели иерархии эти цели начинают унифицироваться спонтанно, складываясь вместе в ходе создания новой системы общежития взамен безнадёжно утраченной старой. Колоссальные силы приходят в движение стихийно, словно бы сами по себе. Но и тут их единение никогда не бывает полным. Индивидуальные

различия людей неизбежно рожают разногласия. В момент критически важного выбора дальнейшего пути раскол обостряется, возникает вражда. Она продолжается до тех пор, пока одна из сторон не победит безоговорочно, установив свой порядок и подавив сопротивление. Вследствие этих неминуемых процессов новый мир всегда обречён родиться в борьбе.

Если бы люди стремились исключительно к поискам комфорта, революционная борьба не принимала бы столь жестокого накала. Не было бы в мировой истории ни гильотин, ни расстрельных рот, ни гражданских войн. Внутренняя тяга к конформизму — далеко не единственное стремление, движущее человеком. В сложном клубке его противоречивых импульсов разобраться почти невозможно. Иерархия, к счастью, устроена много проще. Она и не может быть сложной вследствие жизненно важной необходимости быть понятной каждому психически здоровому члену общества вне зависимости от его индивидуальных особенностей. Внутренние законы иерархии прямолинейны и во многом базируются на врождённых инстинктах людей, подкрепляемых инстинктами приобретёнными.

Для того, чтобы наглядно представить типовую структуру крупной иерархии, достаточно обычной двухмерной системы координат. Нас интересует только первая координатная четверть. Её горизонтальное измерение отражает количество граждан в государстве, сотрудников в компании и т. п., от нуля до бесконечности. Каждое целое число соответствует одному человеку так, словно бы все члены общества друг за другом выстроились в ряд вдоль оси абсцисс. Вертикаль показывает относительное место каждого в общественной иерархии (рис. 1).

В случае централизованного государства современного типа линия графика, отражающего формальную иерархическую структуру, похожа на гиперболу (рис. 2). Левый конец её упирается в линию $x=1$, правый скользит бесконечно над осью абсцисс. Внешний смысл подобной конфигурации кривой заключается в том, что во главе иерархий всегда стоят официально признанные единоличные лидеры, окружённые приближенными лицами. Вместе они составляют так называемую *вертикаль власти*. Каждый член её имеет строго определённый ранг и соответствующий ему социальный статус. Верхняя часть иерархии, таким образом, хорошо и подробно стратифицирована. Нижняя же, по сравнению с ней, совершенно аморфна. Здесь нет и не может быть официально назначенных аутсайдеров. В этой связи ось ординат уместно было бы назвать условно осью иерархии, а ось абсцисс — осью справедливости. Чем выше официальный ранг, присвоенный человеку, тем более высокое место он занимает в иерархии и тем менее справедливым

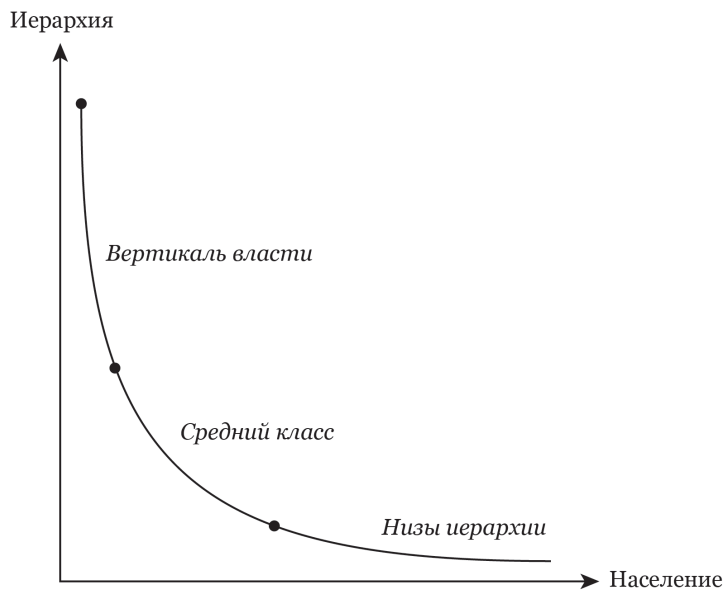

Рис. 1. Простейшая типовая структура крупной иерархической системы.

Рис. 2. Верхняя часть вертикали власти.

становится его привилегированное положение по отношению к большинству членов общества.

Важно понимать, что слово «справедливость» теряет здесь всё своё субъективно-психологическое содержание. Смысл его становится предельно конкретным. Воспринимаемое неравенство как представление формируется из таких понятий как право и обязанность, бедность и богатство, статус и привилегии, тщеславие и зависть и т. п. *Истинное социальное неравенство определяется доступом к ресурсам, имеющимся в распоряжении общества.* Именно доля ресурсов, которыми располагает и управляет человек, неважно в собственных ли интересах или по доверенности со стороны общества ради общественных же целей, определяет его иерархический статус.

Количество доступных ресурсов, таким образом, имеет важнейшее значение для характеристики иерархической системы. Их сумма показана на графике как площадь, ограниченная сверху кривой иерархии, а снизу и слева — координатными осями (рис. 3). Как видим, распределение ресурсов между членами общества, каждый из которых имеет в них свою долю, очень неравномерно. Чем более оно неравномерно, тем менее справедливым следует признать такое положение вещей.

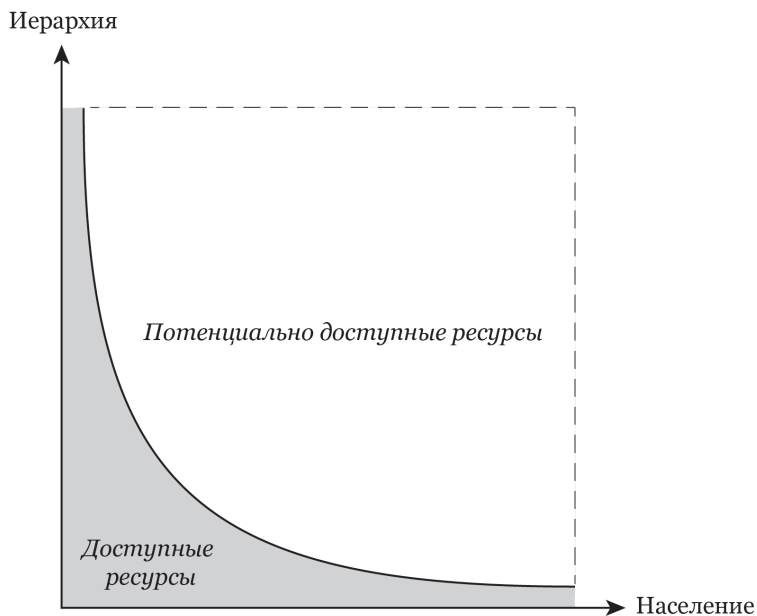

Рис. 3. Ресурсы, доступные общественной иерархии.

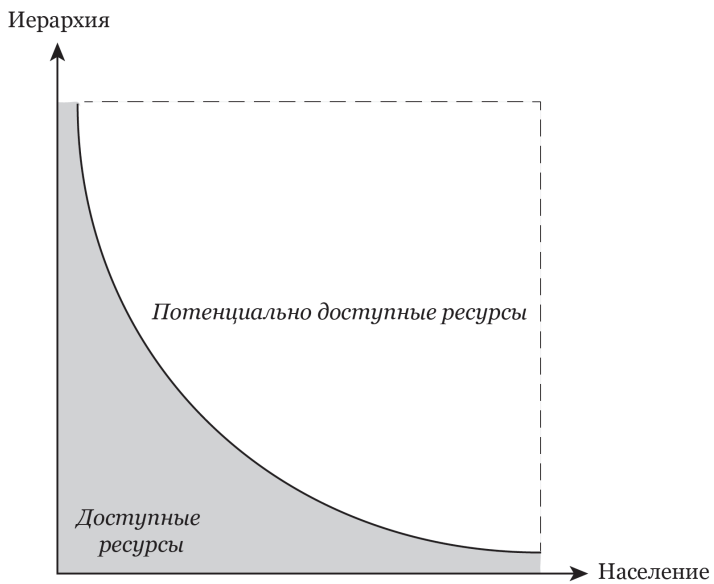

Рис. 4. Более справедливое распределение ресурсов.

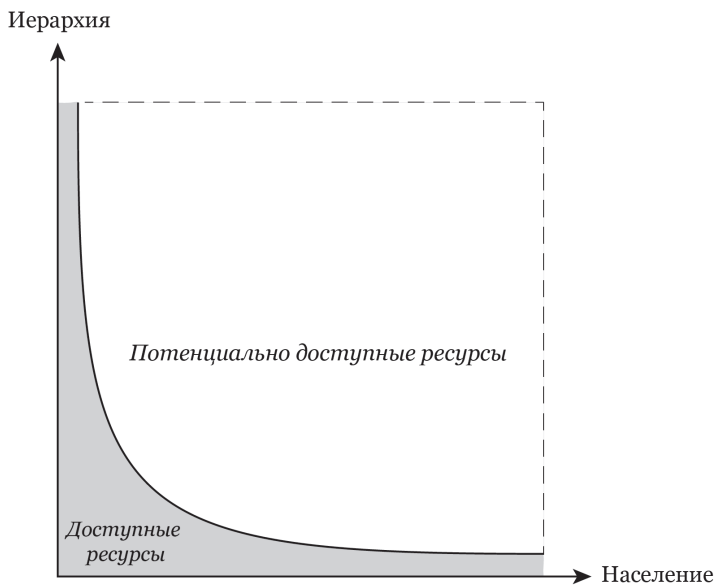

Рис. 5. Менее справедливое распределение ресурсов.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что если мы сопоставим всё оставшееся пространство первой координатной четверти с суммарным количеством средств, доступных обществу в принципе, теоретически, то окажется, что несправедливое распределение ресурсов крайне невыгодно! Оно уменьшает площадь фигуры, ограниченной сверху кривой иерархии. Другими словами, с ростом неравенства общество в целом становится беднее. Причём речь здесь идёт не только об имущественных различиях, но и о доступе ко всем материальным и нематериальным богатствам, накопленным коллективно: к земле и инфраструктуре, к культуре и информации, к образованию и здравоохранению, к возможности творческой деятельности на благо людей (рис. 4, 5).

Что же стоит на пути горизонтального выравнивания общественной материи? Почему несмотря на все безусловно положительные достижения прогресса в области социального устройства, на многовековую борьбу за справедливость и демократизацию принципов управления, вопиющее неравенство в сфере распределения ресурсов так и не было преодолено? Мало того, оно как будто продолжает усиливаться.

Видимо, всё дело в том, что в основу господствующей ныне модели иерархии положен принцип непрерывного роста и развития. Всё должно беспрестанно расти: прибыль, доходы, производство — с одной стороны, слава, влияние, авторитет — с другой. Быстрый рост вызывает инфляцию. Девальвируются не только материальные ценности, но и ценности духовные. Для первых характерна открытая инфляция, выражающаяся в скором обесценивании, для вторых — инфляция скрытая, проявляющаяся дефицитом и общим снижением качества, обилием суррогатов.

Накопление ресурсов из внешних — природных источников, невозможно наращивать бесконечно в силу их ограниченности. Рано или поздно наступает момент, когда иерархия вынужденно начинает поглощать сама себя, перераспределяя богатства снизу вверх. Первым страдает от этого так называемый средний класс (см. рис. 5). В такой ситуации внутренняя динамика иерархической системы практически полностью исключает движение общества в горизонтальном направлении. Самой активной и энергичной части населения вовсе невыгодно двигаться в сторону достижения всеобщего равенства и справедливости. Единственный прибыльный путь с точки зрения роста — наверх. И только это движение по вертикали имеет значение, когда речь заходит о крупных общественных кризисах.

Представители нижних слоёв стремятся забраться повыше, в то время как обитатели верхов всеми путями стараются отстоять захваченные ими позиции. Совокупная сила социального напора низов прояв-

ляет себя в основном как *потенциальная*. В разные периоды истории она обладает различной напряжённостью, но работа, производимая ею, внешне мало заметна и почти не оказывает влияния на текущее материальное развитие общества. Зато она самым решительным образом определяет развитие духовное.

В те времена, когда пути наверх надёжно затворены, новые идеи, рождаемые представителями высокой культуры, имеют тенденцию распространяться в горизонтальном направлении. Тема отсутствия справедливости и размышления о путях её скорейшего восстановления приобретают насущную важность и актуальность. Так, вероятно, под весом гнетущей вертикали и вопреки ей возникли некогда идеи гуманизма, мировые религии, некоторые особо новаторские произведения искусства, философия и даже отчасти то, что мы теперь называем обобщённым термином наука. Не даром многие высоко почитаемые ныне гуманистические традиции слыли когда-то вредными и подрывными, с ними боролись, их пытались искоренять. Это касается в равной мере и абстрактных идей наподобие тех, за которые жители Афин приговорили к смерти Сократа, и вполне реальных, зримых общественных течений вроде христианства, долгое время подвергавшегося гонениям в Римской империи. Логика и младшая сестра её — эстетика, физика и богословие — все отрасли человеческого знания, направленные на поиск гармонии, равновесия в природе и обществе, прямо противостоят такому порядку вещей, который основан на искусственно поддерживаемом неравенстве.

Само собой разумеется, что реформы, связанные с повышением уровня справедливости в области распределения ресурсов, редко внедряются в жизнь по инициативе господствующих верхов. Верхние слои иерархии, как правило, вовсе не заинтересованы в них. Они готовы наделить кого угодно какими угодно формальными правами, личными, политическими и социальными, кроме важнейшего из всех — права претендовать на равную долю в общественном достоянии. Это право никогда и нигде ещё не было всеобщим в масштабах государства. Поэтому, видимо, его практическая реализация считается утопией.

Главная задача современной вертикали состоит отнюдь не в том, чтобы сделать жизнь большинства людей богаче, счастливее и тем добросовестно выполнить свою часть обязанностей, связанных с общественным договором. Базовые, биологические функции власти, остающиеся неизменными на протяжении тысячелетий, заключаются в другом. Для нас в нашем поиске внутренних источников кризиса наибольший интерес представляют две из них: *охранительная* и *распределительная*.

УСТОЙЧИВОСТЬ

Накопление ресурсов обществом всегда происходит снизу вверх. Распределение осуществляется в противоположном направлении. Дисбаланс, возникающий в ходе этих непрерывно протекающих процессов, идущих одновременно, обеспечивает возможность существования иерархии. Присвоение «излишков» позволяет одним общественным слоям (и отдельным людям) возвышаться над другими экономически, без применения грубой физической силы.

Развитие общественных и производственных отношений, значительно ускорившееся в период позднего Средневековья, со временем привело к тому, что произвольное распределение общественных резервов всюду почти уступило место распределению, основанному на заранее установленных правилах. Появились законы, а вместе с ними — обслуживающая их бюрократия. С её зарождением крупные общественные кризисы, связанные с крушением вертикали власти, сделались внутренне обусловленными. Прежде они возникали в основном подчиняясь причинам внешнего характера. Внезапная смерть или насильственное смещение правителя, мор, глад, вторжение иноземной армии и тому подобные обстоятельства были способны в корне подорвать ничем не регулируемый процесс циркуляции ресурсов. Потеряв свою экономическую базу, утратив контроль над ней, вертикаль не могла устоять и рушилась, чтобы вскоре возникнуть вновь в той же или несколько иной конфигурации.

По мере формирования сложной, *законно упорядоченной* системы циркуляции общественных ресурсов, росла и её безусловная устойчивость к воздействию внешних факторов. Тому же способствовало территориальное укрупнение государств, рост населения, совершенствование производственных технологий. Общество богатело, его доходы увеличивались. Они проникали всё глубже и обильнее в самую толщу иерархии, создавая условия для возникновения в ней всё более разветвлённой градации рангов.

Постепенный прирост регулярной ресурсной базы привёл к коренным изменениям в верхах. Управление огромными резервами общества сделалось архисложной задачей. Царствовавшая прежде индивидуальная воля, легко переходившая в произвол, оказалась негодной и обанкротилась. Вместо неё воцарился коллективный расчёт. Личные качества лидеров перестали иметь ключевое значение. Главная роль в государственном управлении перешла к так называемому *истеблишменту* — многочисленной группе людей, очень поверхностно объединённых в более или менее враждебные друг другу политические фракции и кланы.

Борьба этих фракций за сферы влияния очень способствует устойчивости иерархической системы. Публичные столкновения в рамках партийной борьбы носят здесь, разумеется, исключительно показной, демагогический характер. Но и они полезны, так как поддерживают тонкую иллюзию демократии в чисто номинальном значении этого слова. Популистские речи, статьи и программы возбуждают в низах ощущение всеобщей вовлечённости в политический процесс, дают безопасный выход общественному недовольству.

Гораздо важнее, однако, та неформальная борьба интересов, которая происходит в верхах негласно. Она придаёт вертикали внутреннюю динамику, предотвращающую возникновение застоя. Значение этого фактора трудно переоценить. Он целиком определяет срок жизни иерархии, время её существования в неизменном виде от одного деструктивного кризиса до другого. Где-то подобные циклы длятся десятилетиями, даже веками, где-то проходят в считанные годы. Отдельно стоят имманентно нестабильные общества, где кризисы случаются столь часто, что их уже нельзя рассматривать как периодические. Они есть не что иное, как этапы единого затяжного конфликта, связанного с невозможностью формирования устойчивой вертикали власти.

В наши дни любая попытка законсервировать иерархию ведёт к её гибели. Чтобы понять причины этого парадокса, необходимо разобраться, как эволюционируют современные нам иерархические системы. В процессе своего развития они проходят несколько этапов или стадий. Мы не имеем в виду, конечно, смену правящих кабинетов или выборы глав исполнительной власти. Бутафорские перестановки в верхах при сохранении главных принципов экономической и политической организации представляют собой плохую, мало убедительную имитацию движения вперёд. Они лишь на время затемняют действительные процессы, происходящие в обществе, отвлекают внимание от назревших и нерешаемых проблем.

Периодическая смена верхушки удобна власти ещё и тем, что позволяет легко избегать персональной ответственности за какие угодно ошибки и промахи. Вся коллективная масса вины перекладывается на уходящих. Их изгнание, отстранение от власти преподносится обществу как суровое наказание. Какой-либо иной, часто вполне заслуженной кары не предусматривается. Возвращённые к власти вчерашние неудачники, искупившие прежние грехи вынужденным пребыванием в оппозиции, полностью обеляются.

Все эти псевдодемократические изобретения столь же наивны, сколь и лицемерны, но они удивительно хорошо работают на практике. Их роль в эволюции общества консервативна. Выхолащенная в сути

своей идея народовластия превратилась в систему обрядов, ритуальных актов и действий, направленных прежде всего на обфускацию принципов установившегося порядка с тем, чтобы как можно более отсрочить необходимость их преобразования. Никакие выборы, референдумы, конституционные реформы, мирные акции протеста и пр. не могут влиять на устройство и функционирование нынешней «демократической» власти или вообще как-либо воздействовать на неё. Поэтому нам придётся отбросить всё то, что лежит на поверхности, и углубиться в недра загадочных механизмов государственной машины современного типа. Тогда, быть может, мы научимся не только действительно понимать происходящее, но и предсказывать грядущие кризисы. Что нам вряд ли удастся, так это их избегать. В данном вопросе мы неизбежно столкнёмся с неумолимыми законами природы, против которых у нас пока не имеется средств.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КЛЕЙ

Рассуждая в дальнейшем об эволюции общества, мы будем иметь в виду промежутки времени, ограниченный сроком существования некой типичной для наших дней иерархической системы, функционирующей в пределах определённой территории. Речь не идёт о государстве, так как понятия государства и общества далеко не тождественны. Тем не менее, эволюция власти должна быть рассмотрена также и с точки зрения права. Вследствие этого нам не удастся вполне избежать терминологии и сопоставлений, связанных с государством как суверенной державой. Как бы нам ни хотелось выйти за эти сравнительно узкие границы и обобщить проблему, сделать это не представляется возможным, поскольку общество вообще, так сказать в мировом масштабе, эволюционируют иначе.

Мы уже говорили о том, что развитие обособленной иерархии можно уподобить жизни человека: она рождается, крепнет, стареет и умирает, причём на постоянной, практически неизменной территории с течением времени может смениться несколько иерархических систем. Сумма их исторического опыта формирует национальную культуру. Из сочетания и чередования этих отживших и продолжающих жить культур, собственно, и складывается всемирный прогресс.

Как судьба какой-нибудь личности не соответствует общей судьбе народа, так и развитие отдельной культуры не является частным случаем развития человечества в целом. Но несмотря на это, есть также и нечто общее как в судьбах людей, так и в моделях иерархических систем, существующих параллельно в рамках одной эпохи. Среди таких универсальных закономерностей мы и будем искать причины внутренних кризисов, обрекающих современные иерархии на неминуемую деградацию и крах.

Давайте начнём с рассмотрения той формы власти, которая наиболее характерна для нашего времени. Я имею в виду *конституционную демократию* в самом широком смысле этого ёмкого термина. В целом она представляет собой сложнейшую общественно-политическую конструкцию, основанную на принципах разделения властей и верховенства права. Такое устройство делает её чрезвычайно устойчивой к внешним кризисам, хотя механизмы этой устойчивости, заложенные внутри самой системы, срабатывают не везде и не всегда. Степень их эффективности зависит от многих факторов, большинство из которых носит частный характер. Чтоб привести их к единому знаменателю, нужно выявить те глубинные скрепы, которые обеспечивают внутреннюю стабильность данного типа вертикали. Должен же быть в самом деле какой-то общественный клей, держащий вместе столь громоздкую структуру!

Много было попыток найти его, этот клей, чтобы создать с его помощью идеальное демократическое государство. Искали в области социальной философии, но промахнулись. Внедряли научную экономику — просчитались. Теперь берут на вооружение социологию, которая, в отличие от более ранних социополитических дисциплин, не делает упора на равенство и справедливость. Но только и ей не везёт: научившись кое-как использовать и направлять инстинктивные действия толпы, социологи так и не выработали рецепта общественной гармонии, поэтому все их хитроумные манипуляции идут пока в дело в режиме *ad hoc*.

Сложность организации, тяжеловесность и высокая степень инерционности — важные факторы устойчивости современного типа вертикали. Власть настолько массивна, что расшатать её чрезвычайно трудно. К сильным её сторонам можно также отнести многосоставность. Большое количество ветвей, всевозможных органов, группировок и структур занято в одно и то же время охраной и распределением ресурсов. Вынужденное сотрудничество и одновременная борьба за сферы влияния в верхах ведёт к формированию гибкого баланса сил.

Гибкая иерархия намного стабильнее жёсткой, так как способна с лёгкостью гасить деструктивные волны, сотрясающие общественную материю вследствие разного рода физических и социальных катаклизмов. Встряска такой вертикали не рушит её, а укрепляет, создавая условия для оптимизации иерархической системы. К власти приходят новые люди, старые или уходят, или приспособляются к изменившимся условиям. Сферы влияния перераспределяются между группировками. Малоэффективные учреждения реформируются. Части властной структуры, доказавшие на практике свою несостоятельность, упраздняются или заменяются новыми.

Компенсаторные изменения в верхах происходят быстро. Постоянное давление снизу обеспечивает скорое заполнение освободившихся должностей, официальных позиций, сфер неофициального влияния. Таким образом гибкая многоуровневая иерархия приобретает поистине неограниченную способность к регенерации и восстановлению пошатнувшегося баланса.

Все эти и многие другие несомненные преимущества конституционной демократии как формы власти хорошо известны. Теоретически нам ясно, *как* она работает. Гораздо хуже обстоят дела с пониманием того, *почему* она работает подобным образом и *отчего* в её работе случаются критические сбои, ведущие к коллапсу вертикали. Другими словами, нам известно устройство механизма, но не вполне понятна та сила, которая приводит его в движение.

Мы, надо думать, не погрешим против истины, если скажем, что сила эта представляет собой кумулятивную энергию общества во всей его совокупности, снизу доверху. Проблема заключается в том, что у нас нет ни точного определения характера этой энергии, ни консенсуса по поводу её основных источников.

ЭНЕРГИЯ

Минуло уже два с половиной столетия с тех пор, как возникла теория, согласно которой главной движущей силой человека, живущего в обществе себе подобных, является личная выгода, собственный интерес. Противоборство таких интересов формирует рыночную экономику — основу классического капитализма, и соответствующую ей вертикаль власти, построенную на принципе конкуренции: чем больше прибыли извлекает для себя человек в результате взаимодействия с окружающими, тем выше его позиция в социальной иерархии.

Несостоятельность данной теории была доказана временем: ни рыночная экономика в чистом виде, ни тем более вертикаль, основанная на ней, никогда не существовали в природе. Рынок без государственного регулирования губителен для общества. Государственное регулирование губительно для рынка. Поэтому в реальности распределение ресурсов всегда осуществлялось и до сих пор осуществляется властями в ручном режиме. Предпринимателям и корпорациям позволено, а иногда и прямо предписано конкурировать между собой, но вся эта конкуренция рано или поздно неизменно завершается поглощением сильнейшими слабейших и монополизацией рынка. Собственный интерес заботится только о наживе. Имитируя, продвигая, насаждая искусственно рыночные отношения в экономике, власти по сути противостоят этому инди-

видуалистическому стремлению, защищая интересы широких слоёв общества.

Бесспорно, что в отличие от сугубо теоретического свободного рынка, стремление к личной выгоде вполне реально. Это действительно один из источников общественной энергии, но далеко не единственный и даже не главный. Существуют иные силы, прямо противостоящие частным индивидуалистическим устремлениям. Без них иерархия превратилась бы в поле боя на выживание и потеряла бы всякую привлекательность для абсолютного большинства людей. Жить поодиночке стало бы хотя и труднее в материальном плане, зато спокойней и безопасней.

Усиление конкуренции вызывает центробежные процессы, вследствие которых отдельные люди, семьи и даже целые народы вынуждены были некогда заселить самые негостеприимные, плохо приспособленные к жизни области Земли. Вслед за ними двигались первопроходцы, всевозможные казаки, пионеры и прочие «вольные люди», бежавшие от неприемлемых с их точки зрения иерархий. Когда бежать стало некуда, начались мировые войны, а в промежутках между ними в культурах многих народов возникли и, кажется, окончательно возобладали явления эскапизма.

Учитывая вышесказанное, приходится сделать вывод, что полиморфный эгоизм — недостаточно прочный клей для иерархии. Он держит вместе верхи, тогда как низы, в целом склонные более к соборности, чем к соревновательности, испытывают на себе в основном негативные стороны чужой и чуждой им конкуренции. Можно с уверенностью сказать, что если бы центробежным тенденциям в обществе не противостояли центростремительные, иерархии формировались бы с большим трудом и, вероятно, только с применением насилия, а социальные отношения строились бы исключительно на личной зависимости, характерной для рабовладельческого или крепостного строя. Для того, чтобы стать привлекательной для всех, иерархическая система обязана, во-первых, предлагать реальные выгоды и преимущества от участия в ней всем своим членам без исключения, и во-вторых, она должна ограничивать внутреннюю конкуренцию.

Вследствие этого человечеству в процессе его исторического развития поневоле пришлось вырабатывать противоядия от жадности. К числу таких противоядий относится мораль — светская и религиозная. В её основе лежит не стремление к справедливости, к равенству, как может показаться на первый взгляд. Она всего лишь утверждает в умах людей приоритет общественного над индивидуальным, создаёт альтернативную систему неформальной иерархии в противовес государственной

вертикали. В её основе лежит не физический процесс распределения ресурсов, а личная добродетель.

С точки зрения неписаной светской морали общество стоит неизмеримо выше индивида, который призывается служить ему добровольно и бескорыстно, служить семье, общине, государству, человечеству, находя в этом высшее духовное удовлетворение. Нравственная система взглядов, характерная для мировых религий, более формализована, но и в ней практически всякий поступок, совершённый для личной выгоды или удовольствия, считается греховным. Добродетель лежит на пути служения Богу и людям, то есть тем же общественным интересам.

В истории человечества нередко случается так, что маятник общественной эволюции, достигший отпущенного ему предела, начинает движение вспять. Сто лет беспрестанной, открытой, жёсткой, во многом циничной конкуренции между людьми за ограниченное количество ресурсов создали в Европе середины XIX века глубоко аморальную, эгоистическую атмосферу, в которой стали неудержимо распадаться складывавшиеся веками традиционные общественные связи. Социальная ткань затрещала по швам, грозя обрушить существовавшие в то время имперские вертикали власти.

В виду очевидного провала корысти как единственно-важной движущей силы человека и общества в целом, появилось учение, отвергавшее частную выгоду в пользу общественной. На смену индивидуалистическому строю социальных взаимоотношений, основанных на принципе жёсткой конкуренции, пришёл коллективизм. На практике он оказался столь же далёким от реальности, как и рыночная экономика, и никогда не существовал в чистом виде, несмотря на многочисленные эксперименты по созданию разного рода общин и коммун. Одних лишь моральных устоев оказалось недостаточно для того, чтобы обеспечить базовые материальные потребности общества. Нужно было создать принципиально новую модель экономики, которая соответствовала бы изменившейся парадигме общественного бытия. Ничего подобного создано не было, и рыночные механизмы стали понемногу возвращаться в народное хозяйство вместе с присущим им корыстным интересом.

Таким образом мы эмпирически принуждены сделать вывод о том, что внутренняя движущая сила человека, а соответственно и общества, многосоставна. Её невозможно свести к чему-нибудь одному: только к корысти или только к моральным императивам. Она состоит из множества компонентов, общность которых определяет характер и душу человека. Сумма же этих индивидуальных энергий складывается в то, что В. И. Ленин очень удачно назвал *творческой энергией масс*. В неё включается всё: корысть и мораль, опрометчивость и благоразумие, консерва-

тизм и новаторство, стремления к высокому и тяга к падению в пучину самых низменных страстей. Попробуем дать этой силе, движущей общество и историю, конкретное определение.

Творческая энергия человека — это вся его духовная и физическая сила, направленная или могущая быть направленной на созидание.

Заметим, что в общен историческом процессе разрушение также нужно рассматривать как одну из форм созидательной деятельности, ибо нельзя начать строительство нового, не избавившись прежде от старого. В этом смысле ниспровержение косных, обветшалых порядков, тормозящих развитие общества, вполне согласуется с привычным нам повседневным круговоротом природы, в которой всё отжившее, умирая, даёт начало новому циклу жизни.

Творческая энергия масс — самый ценный ресурс государства независимо от формы его правления, общественной формации, богатства и обширности территорий. Без неё невозможны добыча, накопление и распределение всех прочих ресурсов, в первую очередь — материальных. Общий объём доступной творческой энергии неизменен во времени и зависит только от населённости той или иной страны. Крупная популяция в сумме своей энергичнее малой, она имеет гораздо больший потенциал и способна рождать в изобилии великих людей, великие идеи и совершать великие дела. В задачу же государства при этом входит создание благоприятных условий для раскрытия и оптимального использования человеческого капитала.

Прискорбно такое состояние общественных отношений, когда большинство людей трудится из одной лишь необходимости, не испытывая ни малейшей радости или удовлетворения от процесса своего труда, не беспокоясь о его результатах. Путь к процветанию лежит через сотрудничество, в процессе которого каждый отдельно взятый человек будет трудиться с полной отдачей, выполняя любимую работу, соответствующую его характеру, призванию, таланту. Только так, совместными усилиями, можно добиться наилучших результатов. Но для этого творческую энергию масс необходимо *освободить*.

В реалиях типовой иерархии западного типа, формировавшейся на протяжении тысячелетий, подлинное освобождение человеческого духа немислимо. Сколько бы ни старались современные либералы стимулировать созидательную деятельность масс экономическими методами, сколько бы ни принимали законов, уравнивающих всевозможные права, массы становятся всё индифферентней. Их апатия растёт, доходя до равнодушия ко всему, даже к собственной судьбе. Вместо того, чтобы с энтузиазмом вливаться в ряды конкурирующих, люди из среднего класса и из низов всё более замыкаются в себе или погружаются в выдуман-

ную реальность виртуального мира. Если бы не механизмы, всё шире внедряемые в производство, западные общества уже давно остались бы без жизненно необходимых им ресурсов. Цивилизация Запада держится только на машинах. И это весьма опасное и ненадёжное состояние.

Без коренной перестройки иерархии данная тенденция необратима. Переменной индивидуальных мест в существующей вертикали проблему решить нельзя. Нужно менять сам принцип устройства иерархической системы, точнее — наш взгляд на неё.

Сложившаяся исторически традиционная точка зрения утверждает самоценность иерархии. Её привыкли рассматривать как нечто незыблемое, как раз и навсегда данный и единственно правильный порядок. Это может быть верно в теории, так сказать — вообще, но в каждом отдельном случае, в частности, подобное мнение ошибочно. Нет и никогда не бывало такого общественного устройства, которое нельзя было бы заменить более совершенным, удобным для людей, справедливым, наконец. Но пока иерархия существует и функционирует, она привычно утверждается вертикалью власти как безальтернативная, что значит жёсткая, статичная, устоявшаяся. В такой иерархии нет простора человеческому духу, массовой инициативе, требующей возможности движения. Для освобождения внутреннего потенциала человека сама материя общества должна сделаться как можно более подвижной. Ценность иерархии необходимо начать воспринимать как относительную, а не как абсолютную. Иерархия должна существовать для людей, а не люди для иерархии.

К сожалению, на пути такой давно назревшей перемены в общественном сознании стоит охранительная функция государства, ржавые орудия которой достались нам в наследство от минувших эпох. Удивительно, но и ныне они служат практически тем же целям, каким служили во времена Александра Македонского и Карла Великого. Принцип их действия мало изменился.

Тут можно справедливо возразить, что раз уж существует сложившийся иерархический порядок, то должны же предприниматься какие-то меры для ограждения верхов от посягательства низов. С этим мы и не спорим. Вопрос здесь стоит не в том, нужна ли охрана власти, а в механизмах, которые используются для придания устойчивости вертикали. В дальнейшем я постараюсь обосновать гипотезу о том, что именно эти безнадёжно устаревшие механизмы защиты иерархии значительно ускоряют её неотвратимый конец.

Бездумная, в значительной степени рефлекторная самооборона власти приводит к дурному использованию человеческих ресурсов. Вместо того, чтобы развивать и широко использовать их для общественного бла-

га, верхи стремятся подавить едва ли не всякую инициативу снизу. Причём чем более развита вертикаль, чем дольше она существует, тем более сильно выражено это давление. В конце концов власть обрывает все связи с низами и переходит на осадное положение. Доступ в её структуры становится крайне затруднённым. Это касается не только государства, но и всех остальных иерархических структур, в первую очередь — корпоративного бизнеса. Вертикальная мобильность приостанавливается.

А в обществе тем временем быстрыми темпами растёт субъективное ощущение несправедливости, о котором говорилось выше. Индикатор грядущего кризиса понемногу движется к максимуму и в какой-то момент проходит точку невозврата. Это говорит о том, что власть становится внутренне неспособной изменить направление общественного развития. От неё уже нельзя ожидать каких-либо значимых реформ, она всё более и более впадает в паралич. И даже если кто-нибудь из тех, кто стоит на вершине властной пирамиды, захочет осуществить реальные преобразования, столь важные и нужные для оздоровления вертикали, он вряд ли добьётся успеха.

Паралич власти — вот настоящая причина внутренне обусловленного общественного кризиса в наши дни. Каков бы ни был уровень социального неравенства и общей несправедливости, пока власть сохраняет дееспособность, пока она в состоянии осуществлять распределительную и охранительную функции, вертикаль остаётся незыблемой. Революционная ситуация, как известно, возникает тогда, когда верхи уже не могут, а низы не хотят жить по-старому. С низами здесь в общем-то ясно: они стремятся наверх. Но что происходит с верхами? Что толкает их к пропасти?

Чтобы ответить на этот вопрос, важно понять, почему в промежутках между кризисами общество всегда развивается в одном и том же направлении, а именно — от свободы к несвободе. Чем выше уровень личной свободы граждан, тем больше энергии масс поступает в распоряжение государства. Освобождённая инициатива людей работает на общественный прогресс. Так как же выходит, что эта инициатива вдруг начинает подавляться и тормозится искусственно чем дальше, тем больше до тех пор, пока вертикаль не рухнет, оставшись без сил? Мало того, усиливая гнёт, верхи как будто сами нарочно провоцируют протестные настроения низов. На первый взгляд, в этом нет никакого смысла, но раз это происходит, значит смысл тут всё-таки есть. В чём же он состоит?

Всё дело в том, что в наше время насильственное сдерживание общественной инициативы не является результатом чьих-то злокозненных умыслов или целенаправленной мерой из числа охранительных мер, предпринимаемых верхами для самозащиты. Давление, направленное

на систематическое ограничение свободы граждан, превратилось в побочный продукт распределительной функции вертикали. Вездесущий в мире уклон государств в сторону тоталитаризма объясняется не чьи-то личными амбициями, не абстрактными социальными идеями, проводимыми в жизнь, а коллективной безответственностью бюрократии, осуществляющей власть.

Частичное слияние распределительной и охранительной функций произошло на уровне ежедневного взаимодействия рядовых чиновников и, следовательно, стало системным. Давайте попробуем разобраться, в чём именно состоят особенности этой системы и почему отжившие охранительные методы оказались столь живучими несмотря на их очевидную контрпродуктивность.

КОРРУПЦИЯ

Бюрократия и коррупция не существуют по отдельности. Это единый комплекс, пока ещё кажется не имеющий собственного названия, развивающийся на основе взаимного детерминизма. Назовём его для удобства *аргакратией* (от греческого *αργά* — поздний и *κράτος* — государство). Термин такого рода вполне уместен, потому что аргакратия и впрямь представляет собой формализованную систему организации государственной власти на поздних, предкризисных этапах её развития. Коррупция же есть не что иное, как способ осуществления этой власти, механизм функционирования развитой многоуровневой вертикали.

В связи с этим, эпизодическая и во многом показательная борьба с зарвавшимися чиновниками, направленная на выявление отдельных коррупционеров и их наказание, лишена смысла, ибо не может привести к искоренению или хотя бы смягчению последствий этого социального зла. Бороться нужно сразу со всей аргакратией. Но в том-то и дело, что способов мирной борьбы с ней нет. Трудно представить себе, чтобы коррумпированные верхи вдруг начали бороться сами с собой. Низы же, как правило, не обладают и сотой долей тех материальных и административных ресурсов, которых хватило бы для свержения сколько-нибудь жизнеспособной вертикали. Только внутренний кризис способен разрушить её. Разрушить, но не ликвидировать совсем, потому что рано или поздно вертикаль обязательно восстановится, начнёт бюрократизироваться, вступит в стадию бессилия, затем паралича, и с наступлением нового кризиса — падёт.

Бюрократии и бюрократам суждено оставаться во власти до тех пор, пока не будет найдена надёжная, справедливая система распределения общественных ресурсов и благ взамен сегодняшнего ручного, во мно-

гом оппортунистического управления ими. Как уже говорилось выше, ни капиталистические, ни социалистические эксперименты не привели в итоге к созданию подобной системы. В силу этого обстоятельства подавляющая часть населения мира вынуждена до сих пор пребывать в зависимости от сравнительно небольшой, но весьма хорошо организованной группы людей, обладающих бюрократическим мировоззрением.

В главной сути своей мировоззрение это чрезвычайно консервативно и во всех случаях стремится к поддержанию установившегося *status quo*. Такая склонность делает бюрократа охранителем по определению. Поэтому-то и в роли распределителя он естественным образом регрессирует к охранительным методам прошлого.

Но это ещё не беда. В конце концов, консервативное начало в общественной жизни имеет и свои положительные стороны. Так, например, оно выступает в качестве противовеса, своего рода демпфирующей пружины прогресса, смягчающей его беспорядочные рывки.

Стабильность — благо, пока за него не приходится платить слишком высокую цену. Пока верхи охраняют интересы всей толщи вертикали, всей иерархии, включая самые нижние её слои, их консерватизм служит на благо общества. Когда же они переходят к защите преимущественно собственных интересов, то это всегда непременно осуществляется за счёт интересов других. Ресурсы начинают распределяться менее равномерно, вследствие чего возникает необходимость во всё более суровых охранительных мерах для поддержания экономического и социального баланса.

Как правило, подобного рода меры реализуются верхушкой вертикали весьма успешно несмотря на явную несправедливость устанавливаемого ими порядка вещей. Законы, суды, тюрьмы, всевозможные силовые структуры, монополия власти на насилие — всё это действует очень эффективно даже при полном отсутствии официальной пропаганды. Закрепляя, консервируя состояние нестабильности, возникающее из-за перекоса в распределении общественных ресурсов, репрессивный аппарат со временем превращается из инструмента, обеспечивающего функционирование иерархии, в орудие самозащиты реакционно настроенных элит, чьи взгляды при этом вполне ожидаемо переходят от консервативно-охранительных к тоталитарным. Степень несправедливости, как реальная, так и ощущаемая обществом, растёт. Вместе с тем усиливается бюрократизация и, разумеется, коррупция.

Но не коррупция сама по себе ведёт к постепенной деградации и распаду вертикали, а именно опора на репрессии в ущерб общественному прогрессу. Прижатое сверху безынициативное общество начинает стагнировать, искусственно созданный дефицит человеческих ресурсов

оборачивается материальным дефицитом, и власть понемногу теряет дееспособность. Ей уже не на что опереться, некем управлять. Её окружают одни фантомы: фантом иерархии, фантом экономики, фантом политической жизни. Всё ускользает, переходит в вымысел, в бессмысленную ритуальную игру, где большинство игроков погружено в безнадежную летаргию.

Таков несказанно убогий духовный ландшафт сформировавшейся аргакратии. Надо сказать, что духовность вообще не присуща ей, так же, впрочем, как и идеология. То и другое заменяет коррупция. Этот необыкновенный факт требует обязательного рассмотрения. Необходимо понять, как мыслит, чем живёт бюрократ, потому что зерно разрушения вертикали вызревает в недрах его ума.

Без понимания основ коррупции, её происхождения, нам вряд ли удастся объяснить феномен бюрократии. Искать его главные истоки нужно не в конфигурации государственной или корпоративной системы власти, не в настройках её функционирования, не в образе взаимодействия её частей, — там уже много искали вполне безуспешно. Поэтому-то я и предлагаю обратиться к такому сравнительно мало исследованному вопросу, как бюрократическое мировоззрение.

Для начала следует дать определение коррупции. Так как нам едва ли удастся рассмотреть эту тему во всех её многочисленных аспектах, ограничимся краткой дефиницией, достаточной для продолжения наших текущих рассуждений.

Коррупция — это использование служебного положения в личных целях.

Список злоупотреблений, типичных для профессии чиновника, отличается большим разнообразием. Здесь и очковтирательство, совершаемое из желания угодить начальству, получить незаслуженную награду, похвалу, продвинуться вверх по служебной лестнице. Здесь и взятки, часть которых идёт на подкуп других должностных лиц. Здесь и неправомерное использование законов, и подлоги, и растраты, и много, много ещё чего. Практически всё, что делает коррумпированный чиновник на своём рабочем месте, а также многое из того, чего он не делает, осуществляется исходя из его сугубо личных интересов, диктуемых жадной наживы, честолюбием, ленью, завистью, гордыней, тщеславием и обобщающей всё это вместе мизантропией.

Личностные пороки, присущие бюрократам, определяют их характерный *modus operandi*. Правда, пороками они считаются исключительно с точки зрения морали. Закон к ним вполне индифферентен. А каких-либо иных средств, кроме законодательных, которые ограничивали бы саму коррупцию, а не её отдельные проявления, человечество пока не придумало.

Практически все реформы общественного уклада, исходившие сверху начиная с эпохи Возрождения, проводились как бы извне человека, не затрагивая его внутренний мир. Их содержание определялось чисто практическими соображениями и выражалось главным образом в преобразовании формальных норм общежития. Сформулированные и оформленные с помощью законов новые правила внутри-иерархических отношений подкреплялись силой. Дидактическая роль подобных реформ подразумевалась как бы сама собой исходя из идеи о том, что бытие определяет сознание.

После того, как последние отблески средневекового мирозерцания окончательно потонули в бездне прошлого, духовная жизнь человека из низов вдруг перестала служить объектом пристального внимания властей. Воспитание личности, вышедшей в мир из лона церкви, сменилось социальной тренировкой, грубым натаскиванием с формированием стойких условных рефлексов. Критерием успеха служило послушание. Большого не требовалось. Люди могли ненавидеть власть, презирать правителей, внутренне негодовать и страдать от несовершенства мира, — всё это им разрешалось до тех пор, пока они подчинялись законам. Все нарядились в маски внешней покорности, и право носить эти маски стало со временем общей обязанностью. Лицемерие сделалось нормой. Оказалось, что, в сущности, много дешевле и легче казаться, чем быть. К этому скоро привыкли. В этом увидели даже свободу и назвали её свободой совести. Свобода от совести явилась как следствие.

Бюрократическое мировоззрение складывалось в то же время и по тем же шаблонам, но его коррупционная составляющая зародилась намного раньше, чем появились первые профессиональные чиновники. Современную нам коррупцию можно не без основания рассматривать как пережиток и наследие феодализма. Обычная практика распределения государственных должностей в большинстве феодальных государств Европы подразумевала «кормление с мест», то есть взимание средств на содержание управленцев с подначальных им лиц. Служилые люди происходили в основном из дворян. Им не платили жалования. Вместо этого они либо получали в собственность земли с крестьянами, трудом которых кормились, либо удерживали в свою пользу часть государевых налогов, а кроме того, брали взятки, устраивали собственные поборы, попросту грабили народ, употребляя то хитрость, то силу. Власти смотрели на эти проделки сквозь пальцы. Плохим и бездарным считался протобюрократ, не умевший как следует «примучить» зависевшее от него население.

То же самое происходило и на заре так называемого Нового времени, когда феодальное устройство государственного аппарата сменялось современным — бюрократическим. В некотором смысле первые бюро-

краты были сродни вассалам, служившим, однако, не по военной, а по гражданской части. Высокие должности, купленные претендентами на них или пожалованные монархом, давали право рассчитывать на сравнительно крупную долю общественных ресурсов, получаемых в награду за службу.

По мере развития капиталистических отношений потребность в толковых чиновниках неуклонно росла. Вскоре выяснилось, что благородное происхождение и соответствующее ему воспитание вовсе не гарантируют успех управленца в крупных делах и совсем уже не годятся для исполнения мелких. Власти начали активно вербовать на службу простолюдинов, более способных, оборотливых, активных, преуспевавших не только в государственных делах, но и на крайне доходном поприще традиционной чиновничьей коррупции, перенятой у исчезающих вассалов.

Вырванные из низменной среды и вознесённые над ней эти люди превращались в идеальных слуг государя. Впоследствии, с крушением европейских монархий, лояльность новоявленной бюрократии переходила с личностей королей и императоров к государственным иерархиям вообще, а затем уж от иерархий — структур довольно изменчивых — к законам, вполне конкретным, надёжным и постоянным. Это законы, а не парламент, президент или кто-то иной, обеспечивают реальную защиту бюрократических привилегий. Это они дают чиновнику власть. Это им он обязан своим высоким положением в социальной среде, а не государству, нации и тем более обществу с его обессиленной моралью.

Так сформировался бюрократ современного типа — *человек, который служит законам.*

БЮРОКРАТИЯ

Не всякий чиновник — бюрократ, но всякий бюрократ — коррупционер. Бюрократизм есть синтез лицемерия и аморального взгляда на жизнь. Только убеждённый бюрократ способен без оглядки, без малейшего движения совести следовать слепо букве закона, совершенно пренебрегая его духом. Дух же закона как раз и представляет собой его моральную составляющую, без которой любое законодательство деградирует, превращаясь в орудие репрессий, взятых на вооружение властью. Именно в силу этого обстоятельства бюрократическое государство со временем неизбежно начинает движение в сторону большей несправедливости и тоталитаризма. Чем сильнее развита государственная бюрократия, тем более заметной становится данная тенденция.

Остановить развитие живой функционирующей вертикали, зафиксировать её в неизменном виде практически невозможно из-за непре-

кращающегося давления снизу. Это давление не только поддерживает и воспроизводит иерархическую структуру, латая прорехи, возникающие в ней вследствие внутренней борьбы за власть и ресурсы. Оно ещё и препятствует отвердению общественных страт, делает их подвижными, выступает проводником взаимной связи между верхами и низами. Вопреки распространённому мнению о том, что чиновничий корпус якобы, подобно лернейской гидре, способен отращивать новые головы, следует подчеркнуть, что здесь мы имеем дело не с характерным свойством бюрократического аппарата как такового, а с нормальным явлением, присутствующим всей иерархии в целом.

Только с наступлением аргакратического периода верхний слой социальной иерархии превращается в замкнутую структуру, лишается притока новых сил извне и начинает ссыхаться, густеть, костенеть, теряет последнюю связь с низами, что равносильно потере связи с реальностью. Коррупция становится непреодолимой и вездесущей. В общественном развитии наступает этап, прямо предшествующий кризису. Он может длиться достаточно долго: годами, десятилетиями, даже веками. Но на этом отрезке времени спасительные реформы уже невозможны и выхода из кризисной спирали нет, за исключением разве что какого-нибудь неожиданного воздействия извне, способного стать катализатором преждевременного, и оттого неполного краха вертикали. Этот предкризисный период называется *застоем*.

Во время застоя аргакратия властвует безраздельно, но власть её становится всё более призрачной, бесплотной и бессильной. Это объясняется всё теми же мировоззренческими особенностями бюрократа, которые далеко не исчерпываются его реакционностью, духовной ленью, жадностью и тягой к охранительной деятельности. Привычное игнорирование морали в угоду закону развивает такие уродливые черты его характера, как лживость, нерадивость, равнодушие к бедам людей, подобострастие к начальству и т. п. Всё это — тоже формы коррупции, причём разрешённые законом. За них не предусматривается никаких наказаний. И большинство бюрократов останавливается на этой черте. Но суммарный вред, который они наносят обществу, намного превышает ущерб от деятельности тех немногих коррупционеров, которые всё-таки осмеливаются преступить охраняемый ими закон.

Бюрократа не интересуют его служебные обязанности. Он рассматривает их всего лишь как средство для удовлетворения личных амбиций или собственных материальных нужд. Ему намного удобнее и проще изображать деятельность, чем что-либо делать, у него нет привязанности к коллективу или увлечения какой-то одной определённой работой. Бюрократ-карьерист легко переселяется из города в город, меняет раз-

личные должности и посты. Бюрократ-консерватор способен всю жизнь просидеть за одним и тем же столом в каком-нибудь заштатном департаменте. Но оба они в равной степени не испытывают симпатии ни к месту своему, ни к делу, которым занимаются, ни к людям, с которыми работают. Закон один и он для всех и повсюду одинаков.

Привычка, а может быть и природная склонность оперировать категориями, присущими формальному законодательству, ведёт к тому, что мышление бюрократа принимает формализованный строй. Мысль становится ритуалом. Пребывая в плену у собственных догм, бюрократ рассматривает всё, что не соответствует им, как враждебное себе. Поэтому реальность, живая, открытая, изменчивая, требующая от человека гибкости ума, ненавистна ему. Тем же объясняется и неприязнь к обычным людям: они слишком непредсказуемы, слишком ненадёжны. Их очень трудно втискивать в прокрустово ложе заранее выдуманных категорий, из которых они то и дело норовят выпадать. Даже психология — буржуазная наука, более столетия преданно служащая бюрократии, до сих пор не может дать убедительных объяснений всем вывертам человеческой природы, не говоря уже о том, чтобы научиться их предсказывать.

Бюрократ презирает людей с позиции силы, которую дарует ему закон. Однако, как же можно служить тому, кого презираешь? Как работать на благо всей ненавистной тебе иерархии? — только плохо, только притворно!

Какой-нибудь один отдельно взятый нерадивый бюрократ, будь он даже исполнен самой отъявленной мизантропии, в среде порядочных коллег вынужден всё-таки следовать неким правилам, обязывающим его худо-бедно способствовать общественному благу. Когда же абсолютное большинство чиновников бюрократизируется, как это происходит во время расцвета аргакратии, правила служения меняются от общественно-полезных к коррупционным. Коррупция становится новой внутренней идеологией власти. Существовавшая прежде неё общественная идеология формализуется, догматизируется, низводясь до уровня набивших оскомину лозунгов и обрядов, лишённых какого бы то ни было реального смысла. Оставшись без цели, общество перестаёт развиваться. Начинается его атомизация. Всё общественное приходит в упадок, всё личное, частное последовательно дифференцируется.

Пока в социальной среде идёт тотальная дезинтеграция, пока гибнут, распадаясь, коллективы, общины и семьи, в обособившейся вертикали власти напротив наблюдается консолидация вокруг узаконенной, то есть не криминальной коррупции. Для этой казённой квази-идеологии весьма характерно двойное отношение к действительности. Отбросив всё поверхностное, всю шелуху, в которую любят у нас оборачивать суть

дела, сформулируем это так: *приходя на работу, истинный бюрократ погружается в воображаемую реальность.*

Этот момент чрезвычайно важен для понимания причин того бесилия, которое охватывает власть накануне кризиса. Верхи перестают управлять. Вместо этого они *симулируют* процесс управления. Сталкиваясь с любым мало-мальски серьёзным вызовом, вертикаль разрешает его всё менее эффективно, всё большей ценой. Это подрывает и без того скудную материальную базу, истощённую крайне нерациональным использованием человеческого капитала. Функция распределения постепенно пускается на самотёк. Возникает дефицит товаров и идей. Нарастающее неравенство приводит к тому, что охранительная деятельность приобретает явно выраженный репрессивный характер.

Симуляция процесса управления — тоже форма коррупции, вызванная к жизни ленью, скудоумием и нерадивостью бюрократов. Многообразная и сложная жизнь, напиральная на нас со всех сторон, с трудом поддаётся воздействию человеческой воли. Направлять её хаотическое течение в нужное русло — сложнейшая из задач, требующая огромных ресурсов, материальных и интеллектуальных. А ведь это именно та работа, которая входит в круг непосредственных обязанностей чиновника. Не имея желания, а кроме того зачастую — и средств для решения стоящих перед ним задач, недобросовестный и безразличный управленец должен-таки нести ответственность за их выполнение перед вышестоящим начальством.

В таких невозможных условиях бюрократы по характеру и призванию справляются с делом успешнее других, поэтому искусственный отбор благоприятствует их продвижению по службе. Подобные люди легко приучаются игнорировать физический мир, заменяя его в уме хорошо упорядоченной виртуальной реальностью, основанной на документах. С их точки зрения то, что написано в бумагах, приобретает суть настоящей действительности, которая легко поддаётся анализу, воздействию, управлению и вообще любому произвольному манипулированию. Правда чиновника становится рукотворной. Для того, чтобы претворить её в жизнь, не нужно ресурсов, не нужно даже желания, достаточно лишь одного указания сверху, которое тотчас же выполняется, само собой — на бумаге.

Наверх поступают отчёты о якобы выполненных делах, в которых никто наверху и не думает усомниться. Фальшивая информация суммируется, обрабатывается, на её основе строятся текущие планы и задачи, и вот уже новые отчёты движутся вверх и вверх, а вниз спускаются распоряжения, одно нелепей другого. Неудобная правда жизни при этом очень заботливо и брезгливо заматывается под ковёр.

Пока предводители государственной иерархии изобретают для своих подчинённых какие-то фантастические задачи, а те кропотливо разрабатывают столь же надуманные пути решения этих ненужных задач, пока всё сильнее закручиваются гайки в страхе перед мнимыми покушениями на власть со стороны пребывающих в апатии низов, истинные проблемы общества остаются нерешёнными и постепенно усугубляются. Творческая энергия масс, доступная обществу, в это время стремится к нулю. На её подавление расточительно и впустую тратится масса средств. Изобретательность, инициатива, вся жизненная активность людей расплывается, туннелируется из общественного в частное. Единственной опорой дряхлеющего государства остаётся чиновник-бюрократ, без которого на данном этапе действительно уже невозможно обойтись. Он один по-настоящему кровно заинтересован в сохранении подвешенной в воздухе вертикали. Он один способен вопреки очевидному не замечать, что она давно лишилась опоры.

В конечном итоге, полный разрыв с действительностью становится общим для всей совокупности иерархии. Он-то и приводит к тому положению, когда верхи совершенно утрачивают способность влиять на реальные обстоятельства жизни. Власть становится недееспособной, возникает её кризис, медленно, но неуклонно зреет революционная ситуация. Впрочем, ситуация эта — всего лишь приговор, за которым должна ещё последовать экзекуция. Условия для кризиса возникают уже в начале застоя, сам же кризис обыкновенно случается много позже. Но он точно так же неминуем, как утро, наступающее вслед за длинной и тёмной ночью.

КРИЗИС

Итак, мы выяснили, что период застоя в общественной жизни современного государства в целом совпадает с временем господства аргакратии. Упадок власти связан именно с тем, что господство это в значительной степени номинально. Потеряв органическую связь с обществом, власть вынуждена прибегать к самым грубым и примитивным формам контроля: репрессиям, лжи, пропаганде. Тем самым она ещё более лишает себя опоры снизу. Неизбежность крушения подобной вертикали абсолютна, но сроки этого крушения относительно и зависят от многих обстоятельств. В силу своей недееспособности и скудости человеческих ресурсов власть уже не в состоянии повлиять на происходящее изнутри при помощи каких-либо реформ. Зато любое внешнее событие, будь то смерть главы иерархии, крупное стихийное бедствие или война, может иметь решающее значение как спусковой крючок для кризиса. Но и тут многое определяется степенью зрелости аргакратической системы.

На ранней стадии бюрократического очерствения вертикали застой ещё может быть преодолён, а кризис отсрочен или экспортирован в соседние государства посредством войны. Война — эффективнейшее средство для борьбы с застоём. Военная агрессия или ещё того лучше — защита от внешних врагов создают благодатную почву для спонтанного возникновения патриотической идеологии, которая даёт низам общественно полезную цель и заставляет их группироваться вокруг любой вертикали, даже самой ветхой и одиозной. Поддержка верхов иерархии низами в условиях войны отвечает интересам всех социальных слоёв. Одновременно возникает широкий выход для кипящей под давлением сверху творческой энергии масс. Она идёт на исполнение общего дела победы, а вертикаль тем временем пополняется новыми силами, предотвращающими развитие застойных явлений во всём обществе.

Поздняя аргакратия уже не способна к победоносным войнам. В конце концов война — явление гиперреалистическое, требующее от людей трезвого анализа ситуации, неординарного мышления, инициативы, личной ответственности за принимаемые решения. Всё это глубоко чуждо, даже враждебно бюрократической ментальности. Долгая привычка к коллективной безответственности и накатанным путям, к симуляции деятельности и фальшивым отчётам, на основании которых строится вымышленная реальность, делают из бюрократов никудышных воинов и полководцев. А других, не бюрократически мыслящих военачальников, взять в это время неоткуда. Да и вся система распределения ресурсов, по большей части фиктивная, воображаемая, мало способствует военным успехам. Поэтому реальная война в условиях поздней аргакратии чревата скорым крушением вертикали.

В связи с этим кризисы власти и заслужили свою зловещую репутацию, так как им зачатую предшествуют войны, а следом идут революции, периоды анархии и распада некогда могучих государств. Но это всего лишь одна, и к тому же не самая важная сторона проблемы, особенно если взглянуть на неё в масштабах всего человечества, а не какого-нибудь отдельно взятого народа или государства.

Да, коллапс вертикали влечёт за собой по временам неисчислимые бедствия. Но он же создаёт уникальные условия для быстрого, скачкообразного общественного прогресса, условия немислимые в любой другой период истории кроме того, что наступает сразу же вслед за кризисом. В этот краткий момент безвластия общество вдруг, почти в одночасье, освобождается от давления сверху. Его энергия, до того сокрытая, потенциальная, нереализованная и нереализуемая, находит выход в самых различных, порой причудливых формах. Всё то, что копилось в глубинах

народных десятками лет, выплёскивается наружу, не встречая препятствий. И творчество масс кипит, бурлит, создавая новую социальную и культурную реальность, невиданную прежде.

Только во время кризиса эволюция общественного сознания получает сильнейший импульс, определяющий путь развития государства, народа, нации, подчас — всего человечества на многие годы вперёд. Особенно значимы в этом плане великие революции: английская, американская, французская, русская. Благодаря своему неслыханному напряжению, долгой борьбе и медленному формированию бюрократических аппаратов они освободили творческую энергию масс на длительное время. Интеллектуальные и духовные плоды, принесённые этой свободной энергией, повлияли на судьбы мира самым решительным образом.

По окончании кризиса бурная эволюция общества постепенно замирает. Установившаяся иерархия твердеет в новой форме, но долго ещё сохраняет пластичность и внутреннюю мобильность, благодаря которой достигаются подчас огромные успехи в самых различных сферах жизни. Государство переживает в это время расцвет, а общество, вдохновлённое им, создаёт обновлённую культуру на базе идей, возникших в процессе борьбы за победу нового строя.

Затем наступает спад и ещё позднее, с переходом власти к сформировавшейся аргакратии, начинается вновь социальный застой. Всякое развитие останавливается, кроме технического. Рост механизации служит в это время двум основным целям. Капиталист стремится увеличить свою прибыль, а бюрократ — создать искусственную опору для вертикали вне общества. Машина — костыль бюрократии, утратившей органическую связь с низами. Как документ, составленный бюрократом, должен служить симулякром реальности, так и механизм призван заменить собой человека. Заменить, разумеется, вовсе не для того, чтобы облегчить его труд. Всё дело в том, что, как мы уже и говорили, всемерное подавление свободного творчества масс приводит к колоссальному дефициту людских ресурсов, который государственная и промышленная бюрократия стремится компенсировать при помощи всевозможных технических устройств, а в последнее время ещё и цифровых алгоритмов — суррогатов живого человеческого ума.

Машина, как эрзац человека, представляет собой наглядную иллюстрацию своеобразного антигуманистического идеала личности, внедрённого в бюрократическое мировоззрение. Личность есть функция, причём чисто внешняя, физическая функция, всё остальное иррелевантно. Всякая субъективность отрицается в принципе, поэтому с точки зрения бюрократа в сознании человека нет и не может быть действительного представления о совести, чести, благородстве и даже о творчестве

как духовной потребности, внутренне имманентной каждой свободной личности. Всё это не более чем иллюзии, которые невозможно объективировать, положив на бумагу. Стоит ли удивляться, что во времена аргакратии общество и личность деградируют, доходя в крайних случаях до полного духовного вырождения.

С учётом всего вышесказанного может сложиться мнение, что внутренняя динамика бюрократической системы, ведущая от кризиса вертикали к формированию новой вертикали и нового кризиса, абсолютно неизбежна. Ею движет вполне определённая, присущая ей историческая логика, которой нам нечего пока противопоставить. В этом есть доля правды. Пока существует капитализм, будет жива и бюрократия. Но что такое, собственно, капитализм, как не простая умозрительная модель, пытающаяся объяснить объективно происходящие в мире социальные процессы с точки зрения экономических отношений? Капитализм существует только в умах людей. И проводником его законов, граничащих с предрассудками, выступает бюрократия. Она как нельзя лучше подходит на эту роль, поскольку в основе её идеологии лежит коррупция, утверждающая исключительный личный интерес.

Бороться с коррупцией законодательными методами бесполезно, так как здесь мы должны воевать не с проступками и преступлениями, а с их мотивацией, с системой жизненных ценностей и взглядов. Только переменяв их, мы сможем покончить со всей коррупционной системой разом, а заодно и с капитализмом как представлением, как моделью. Нам нужна другая модель. Ресурсы Земли не выдержат долго нынешней беспощадной эксплуатации, осуществляемой в погоне за прибылью, которая должна непременно расти.

Где же нам взять такую модель? Что может эффективно противостоять коррупции-идеологии? Конечно, другая идеология! Только она способна послужить реальным нравственным ограничителем для неуёмного личного интереса. Одна беда: идеологию выдумать нельзя. Она должна созреть и родиться в недрах общества, пробуждённого от сна, потрясённого до своих глубочайших основ. Значит, без кризиса нам не обойтись.

ИДЕОЛОГИЯ

Коррупция как мировоззрение характерна для общества, изжившего свою идеологию де-факто. Разрыв социальных связей, усиливающийся под влиянием аргакратии, уничтожает в сознании людей коллективно сознаваемый примат общественного над личным. На смену этой социально-ориентированной парадигме приходит противоположный ей приоритет частного интереса, создающий идеальные условия для скатывания в

коррупцию всего общества во главе с наиболее сильно коррумпированной его частью — вертикалью власти.

Идеология есть некая органически необходимая духовная связь между членами общества, дающая им общую цель и общие жизненные ценности нематериального плана.

Она не возникает спонтанно на пустом месте, её нельзя изобрести или выдумать. Выдуманная кем-то идеология без проверки и подтверждения реальностью превращается либо в утопию, либо в пропаганду. Новые идеи должны зародиться снизу в процессе эволюции народного сознания, вырваться во время застоя и только затем уже окончательно утвердиться в ходе кризиса, достигнув совершенства в революционных столкновениях с другими системами взглядов. Побеждает всегда лишь одна, самая подходящая для данных обстоятельств идеология. По-другому быть просто не может: в свободной борьбе выживает сильнейший.

Настоящая идеология отличается от квази-идеологий вроде коррупции или неоконсерватизма тем, что цели её всегда духовные, а способы достижения этих целей могут быть как духовными, так и материальными. Всякая религия — это прежде всего идеология. Подлинная идеологизация материализма как системы взглядов возможна только тогда, когда она рассматривается в качестве средства или вернее сказать — среды, необходимой для возникновения нового типа человеческих отношений и вообще — нового человека, более совершенного прежде всего в духовном плане.

Надежда на будущее совершенство, вера в него религиозна по своему содержанию. Она отвечает упованиям огромного множества людей, совпадает с их глубоко сокровенной внутренней тягой к абсолюту, с тайной мечтой, как правило слабо оформленной и неясной. В истинной вере, собственно, и не может быть ничего конкретного. Это — духовное стремление без начала и без конца.

Идеология требует веры. Экономика легко обходится без неё, поскольку во всех практических случаях выбор и формулирование материальных целей для общества происходит в результате целенаправленной работы индивидуального ума. Народные массы не способны к такого рода деятельности в силу своей разнородности, потому-то они и нуждаются в лидерах.

Экономика может с успехом служить идеологии. Ей же вполне бескорыстно, по собственной воле служит человек. Сама же идеология, поставленная на службу чему угодно, быстро превращается в источник и основание вражды. В этом состоит её опасность, её обратная, тёмная сторона.

Учитывая огромную объединяющую и мобилизующую силу идеологии, государство вечно испытывает соблазн подчинить её себе, сво-

им утилитарным интересам. При этом, разумеется, духовная суть идей извращается, они обрастают обрядами, часто бессмысленными, в них начинает превалировать догматизм. На таких «служебных» идеологиях нередко вырастают жестокие, агрессивные и даже человеконенавистнические режимы. Режимы помягче, впрочем, тоже не брезгают идеологической подпиткой.

Надо полагать, что процесс освоения идеологии государством представляет собой историческую закономерность. Он знаменует конец революции. Сформировавшаяся иерархия вначале впитывает новые идеи в качестве моделей, на которых должны быть основаны социальные отношения и типовое мировоззрение людей. Затем, мало-помалу, вопросы общественного развития отходят на задний план. Идеология становится инструментом контроля. С этого момента начинается медленное, но неуклонное разрушение иерархической системы.

Идеология есть душа иерархии, запас её жизненных сил. Если общество не объединено вокруг какой-нибудь центральной идеи, объединить его надолго при помощи одних лишь материальных средств не получится. Любое, даже самое равное и справедливое распределение материальных ценностей ведёт к разладу, так как эти ценности неразрывно связаны с понятием собственности, подразумевающим и промоутирующим индивидуализм. Отказываясь от идеологии, государство получает взамен коррупцию.

Объединить очень разных людей может только идея. Она не даётся нам как выбор, она — необходимость. Поэтому за неё приходится драться и страдать. Но зато потом, по окончании борьбы, восторжествовавшая идеология заключает в себе духовный опыт всего освобождённого социума, сформулированный и выраженный лучшими, самыми чуткими и талантливыми его представителями. Это поистине творческое осмысление жизни народа самим народом, глубоко онтологическое явление, концентрирующее в себе духовную энергию масс.

Без кризиса не бывает идеологии, без идеологии кризис становится неизбежным. Поэтому бесплоден тот кризис, та революция, которая не стала революцией сознания. Не выработав идеологию, социальное потрясение, связанное с крушением вертикали, проходит даром, и даром проливается кровь, рушатся судьбы, гибнут отжившие порядки, ибо порядкам этим суждено возвратиться.

У всего есть свой срок, своё время. Ничто не живёт бесконечно, всё бренно: человек, государство, идея, вертикаль. Старое должно уступать дорогу новому. Поэтому упрямое стремление аргакратии запретить перемены, законсервировать *status quo*, бессмысленно и бесполезно. Оно лишь ускоряет наступление кризиса, приводит к ненужным жертвам, к

напрасной растрате ресурсов и сил. За четырёста с лишним лет мы так привыкли жить в бюрократических путах, так притерпелись к капитализму и его разновидностям, что вообразили, будто другая жизнь невозможна, будто мы забрались на такую вершину, с которой уж некуда вверх, можно только стоять, балансируя, в вечном страхе скатиться в пропасть.

Нет ничего более далёкого от правды! Дорога вниз, назад, закрыта историей. Время движется только вперёд. Тот глубочайший застой, который мы переживаем теперь уже во всемирном масштабе, говорит о грядущем системном кризисе необычайной силы. Современный нам тип бюрократии, явившийся некогда в качестве прогрессивного новшества, безмерно усилившего прочность вертикали власти, превратился в реакционную силу, стоящую на пути развития человечества.

Аргакратия чрезвычайно дорого обходится нам. Она расточительна к ресурсам, прежде всего к человеческим и духовным, а, следовательно, и к материальным. Она косна и неповоротлива. Она уже не отвечает требованиям сегодняшнего дня. На все насущные вызовы она реагирует только усилением репрессий, расширением своих полномочий и, когда это не помогает, — игнорированием проблем. Все почти страны Запада, так же, впрочем, как и Востока, мало отличаются в этом друг от друга. Все мы живём теперь одинаково: без идей, без движения, без смысла.

Нам, разумеется, не стоит надеяться на скорое мирное реформирование жизни и, в частности, существующих ныне вертикалей власти, изнутри. Мы, человечество, не можем пока сделать для ускорения этих процессов ничего. Придётся ждать кризиса, вероятней всего — мирового. Но это не значит, что нам остаётся сидеть сложа руки. Необходимо уже сейчас готовиться к будущему. На обществе периода застоя лежит ответственность за выработку новой идеологии. Если этого не сделать сейчас, то кризис пройдёт напрасно, принеся лишь несчастья и беды.

Необходимо уже теперь приступать к подведению теоретической базы под грядущие реформы. Нужно всерьёз начать думать о том, как мы будем жить завтра, чтобы завтра, когда оно наконец наступит, не застало бы нас врасплох.

17 октября 2024 г.

Оглавление

Иерархия.....	5
Конформизм.....	10
Расклад сил.....	13
Устойчивость.....	20
Общественный клей.....	22
Энергия.....	24
Коррупция.....	30
Бюрократия.....	34
Кризис.....	38
Идеология.....	41

* Цитата из повести Константина Паустовского «Кара-Бугаз».

